

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

ЧОН ЫНО

Библиотека ведьмы

Москва
2026

Пролог

Я — статистка.

Незначительный и неприметный персонаж второго плана. Персонаж, которого обычно классифицируют как «помощницу главной героини».

Верно, я оказалась в популярном нынче жанре «перерождение внутри романа». Точнее сказать, я *родилась* в нем. Поначалу я думала, что живу обычную, новую жизнь с самого рождения. Но по мере взросления вдруг осознала: я стала кем-то из книги. Я родилась как ее персонаж. Персонаж, которого едва упоминали на страницах, одна из множества фоновых статистов на периферии повествования.

Вы спросите, разочаровалась ли я? Честно говоря, да. Ведь каждый хочет быть главным героем в своей истории.

Но что я могу поделать?

Пролог

Что в прошлой, что в нынешней жизни мне было уготовано лишь оттенять сияние других. Но я не жаловалась — я радовалась уже тому, что переродилась человеком.

Думаю, причина столь позитивного мышления заключалась в том, что я сохранила воспоминания своего предыдущего воплощения, где читала много книг подобного рода. Даже если в этой истории я статист, в своей жизни я оставалась главной героиней. И если я могла быть счастлива, я не собиралась сожалеть, грустить или завидовать, даже оставаясь в тени главной героини.

И так бы все и продолжалось. Я бы осталась в забвении, как ручеек, который в итоге сливается с рекой... если бы главная героиня не попыталась убить мою сестру.

Так что знай, Элиз: все это начала ты. Все это твоя вина. Все.

Глава 1

Младшая сестра

Розмари была дочерью провинциального барона. Ее красивое имя никак не вязалось с тучным телосложением: казалось, толкни легонько, и она покатится как шарик. Круглое лицо с пухлыми щеками; глаза, которые можно было спутать с птичьими; нос, теряющийся в округлых чертах; едва приоткрытые губы, похожие на рыбы... и все это в дополнение к телу, напоминавшему маршмэллоу. Стоило ей сделать несколько шагов, как у Розмари сбивалось дыхание, заставляя окружающих напрячься и прислушаться — жива ли она еще?

Она помнила свою прошлую жизнь. Этот секрет был известен ей одной. Как и еще один, куда более удивительный: этот мир — вымысел, всего лишь декорации из романа.

«Да нет, не так уж это и удивительно», — подумала Розмари, устало выдохнув, как увядающий воздушный шарик. Сохранив воспоминания прошлой жизни, она помнила, что в ее мире существовало бессчетное количество новелл в жанре «перерождение внутри романа». Она была лишь одной из множества тех, кто оказался в чужой истории.

К собственному разочарованию, свою прошлую жизнь Розмари прожила совершенно обычно и скончалась от старости, а затем переродилась в этом мире. В раннем детстве память о прошлой жизни не приходила, а вот когда Розмари немного подросла, воспоминания о прошлой жизни вдруг — бац! — и всплыли. Иногда она вспоминала, как и когда это случилось. Нелепость момента до сих пор вызывала у нее улыбку.

Кажется, это случилось, когда Розмари было около восьми? Возраст, когда дети капризничают и пакостят родителям. Но у Розмари не было такой роскоши: ее родители погибли в пожаре. Из родных у маленькой Розмари осталась только старшая сестра Шарлотта, недавно завершившая обучение в Императорской академии. Шарлотта была на десять лет старше, ее считали образцом мудрости и красоты не только в поместье, но и в академии.

Розмари очень любила свою сестру. Несмотря на холодный и сдержанный характер, с ней Шарлотта всегда была добра и приветлива. В присутствии младшей сестры она всегда улыбалась. Даже во время похорон родителей и процесса принятия титула баронессы Шарлотта всегда находила время для своей сестренки.

В то время Розмари была обычным ребенком, еще не помнившим свою прошлую жизнь. Она дни

напролет плакала по родителям, а Шарлотта всегда была рядом, чтобы поддержать ее.

Всю работу, которую прежде выполнял их отец, Шарлотта как баронесса взяла на себя. Благодаря ее уму и проницательности в поместье, после смерти хозяев переживавшем трудные времена, вновь воцарилось спокойствие. Розмари же оставалась все той же капризной девочкой, горящей по маме и папе, пока старшая сестра усердно работала ради благополучия жителей их отдаленных от столицы земель.

Кажется, именно тогда у маленькой Розмари появилось пристрастие к сладкому. Стоило ей съесть что-нибудь сладенькое, как ее настроение ненадолго поднималось. Как будто она пыталась таким образом сбежать от грусти и уныния. Так сладости прочно вошли в ее жизнь. Обеспокоенная Шарлотта время от времени пыталась помочь сестре избавиться от пагубного пристрастия, но каждый раз терпела фиаско от горьких, как сама жизнь, слез Розмари.

Примерно в это время Розмари начала вспоминать прошлую жизнь. Забавно, но момент истины настиг ее, когда она поела сладкий пончик, покрытый глазурью. Как всегда, сахар открывал перед ней врата в страну абсолютного счастья. Но стоило ей подступить к вратам этой волшебной страны, как память о прожитых в другом мире годах нахлынула с неожиданной силой. Кажется, это произошло в тот миг, когда она проглатывала кусочек глазури.

— Ай! — взвизгнула Розмари и рухнула без чувств. Она почувствовала, как в ее голову подобно мощному потоку ворвалось знание, слишком огромное и необъятное для мозга маленькой девочки.

В тот момент, когда Розмари упала в обморок, сердце Шарлотты оборвалось. Узнав о том, что единственная сестра лишилась чувств, она ощутила, как перед ее глазами померк свет.

После этого Розмари впала в летаргический сон на целых два года, совсем как спящая красавица из сказки.

Когда Розмари открыла глаза, весна уже полностью вступила в свои права. Все это время Шарлотта с трудом поддерживала в сестре жизнь, по каплям вливая в нее жидкую кашу. Но спустя два года Розмари настолько ослабла и осунулась, что ее кожа буквально обтягивала кости.

Во сне Розмари заново прожила все воспоминания из предыдущего воплощения. Тогда она была самой обычной девушкой, а потом — женщиной и старушкой. Понадобилось целых два года, чтобы эти воспоминания выстроились в цельную картину, словно кусочки мозаики. Ее последний миг из прошлой жизни, хоть та и завершилась в тишине и одиночестве, не был бесприсветно горьким.

«Не такая уж и плохая у меня была жизнь», — подумала Розмари, открывая глаза. Не идеальная, конечно, но и не плохая.

Стоило девочке прийти в себя, как в поместье тут же поднялась суматоха.

Шарлотта, переполненная радостью, примчалась повидать сестру, и та с улыбкой поприветствовала ее:

— Я хорошо поспала.

При виде спокойной и беззаботной Розмари Шарлотта не смогла сдержать слез; Шарлотта, которая не проронила ни слезинки после гибели родителей и на их похоронах. Больше всего на свете она боялась потерять сестру.

Работающие в поместье слуги закрыли глаза, впервые увидев Шарлотту плачущей, ведь они знали, как много ей пришлось перенести. Розмари тихонько поглаживала спину сестры маленькой ручкой, пока Шарлотта с плачем обнимала ее слабое болезненное тело.

Вспоминая прошлую жизнь, Розмари чувствовала острую жалость к Шарлотте. Эти два года она отравляла жизнь старшей сестре, которая вынуждена была заботиться о лежащей калеке, выполняя к тому же все обязанности главы рода. В голове промелькнула мысль: «Нужно найти для Шарлотты достойного мужа, чтобы она могла наконец стать счастливой».

Спустя некоторое время заботами Шарлотты истощенное тело Розмари снова набрало вес. Она стала такой пухлой, что, перевернувшись, могла бы покатиться как мячик.

«Сестра явно перестаралась», — подумала Розмари одним вечером, сидя на террасе особняка, и потянулась к аппетитному печенью перед собой с усмешкой, напоминающей смех старика. Она оставалась всего лишь двенадцатилетней девочкой, но в ее облике считывалось некое таинственное взрослое знание. Новенькая горничная Шафран с удивлением наблюдала за выражением лица Розмари, которой словно открылись все тайны этого мира.

— Розмари!

Неожиданный окрик заставил девочку проглотить печенье целиком и ответить с набитым ртом:

— Что такое, сестра?

Шарлотта, известная своей красотой, что была холоднее снежных ледников, едва заметно улыбнулась.

— Розмари, подавишься же. Не торопись, доешь спокойно, а потом говори. — Присев на стул рядом с Розмари, она аккуратно смахнула крошки с уголков ее губ и провела рукой по ее густым золотистым волосам сестры. — Чем сегодня занималась?

— Все как всегда, — ответила Розмари, немного задумавшись. — Ела вкусности, спала... и... эм... ела...

Она подумала, что, наверное, похожа на свинку. Возможно, все из-за гиперопеки старшей сестры. Шарлотта так переживала, что Розмари может пораниться, что неохотно выпускала ту на улицу. Если Розмари хотела почитать, Шарлотта запрещала ей: переживала, что книжные полки в библиотеке обрушатся прямо на нее.

Безусловно, это было абсурдное оправдание — семейная библиотека не могла так обветшать. Но Розмари решила не копаться в этом вопросе. В ее голове образовалось столько воспоминаний из прошлой жизни и незначительных знаний, что усваивать нечто новое об этом мире стало настоящим испытанием. Возможно, с возрастом ей станет легче, но для двенадцатилетней девочки это была непосильная ноша.

Если бы кто-то прознал, что в свои двенадцать она не может прочитать ни строчки из сказки, ее бы засмеяли. «Тупица», «дурочка» — подобные слова сразу приходили в голову, но Розмари все еще нужен был отдых. Учитывая знания из другого мира, ее возраст был куда старше двенадцати лет. Ей казалось, стоит только захотеть — и она тут же выучит буквы. Она просто хотела некоторое время пожить расслабленно, утрясая воспоминания в своей голове.

В тот момент, когда Розмари медленно и неуверенно потянулась к тарелке с печеньем, Шарлотта сама взяла

одно и вручила его сестре. Стоило Розмари вкусить сладость, как она ощутила вкус счастья.

— Сестра, я хочу пончик, — попросила она вместо благодарности.

— Нельзя.

Шарлотта с превеликим удовольствием потчевала сестру различными десертами, но пончики были под строжайшим запретом. Шарлотта была уверена, что именно тот пончик стал причиной двухлетнего сна Розмари. И оказалась права: в нем нашли достаточное количество яда, чтобы отравить ребенка. По всей видимости, кто-то из поместья хотел убить Розмари.

К счастью, Розмари обладала врожденной способностью нейтрализовать яд — способность, передававшаяся в их роду из поколения в поколение. Шарлотта тоже унаследовала эту особенность и имела иммунитет к отравлениям. Однако детскому организму требовалось больше времени на борьбу с ядом, и, вероятно, именно поэтому процесс детоксикации совпал с моментом возвращения воспоминаний из прошлой жизни.

Так или иначе, с тех пор пончики стали для Розмари запретным угощением.

«Это уже слишком... Сейчас-то ничего страшного не случится».

— Чем больше запрещают, тем сильнее хочется...

— Розмари, если говорю нельзя, значит, нельзя. Поняла? — Голос Шарлотты был мягким, но непреклонным.

Смирившись, Розмари потянулась за печеньем, взяла одно и отправила его в рот. *«Всё-таки сладенькое — лучшее, что есть в этом мире!»* То, что она толстела,

совсем ее не беспокоило. В конце концов, ей всего двенадцать, и она верила, что с возрастом все изменится.

Спустя два года, когда Розмари исполнилось четырнадцать, она столкнулась с действительно пугающей ситуацией. Однажды она чуть не задохнулась во сне.

Ее лицо и шея к тому дню почти слились в одно целое, и той ночью Розмари осознала, что единственный путь к воздуху — горло — начало сжиматься. Казалось, жир затопил не только ее тело, но и все пространство вокруг.

Узнав, что Розмари чуть не задохнулась, Шарлотта, побледнев, поспешно кинулась к ней. Всегда безупречно одетая, в этот раз она пришла растрепанная и в ночной рубашке. Лицо ее было фарфорово-бледным, в голубых глазах плескалась тревога.

С трудом взяв себя в руки, Шарлотта подошла к Розмари, сидевшей на кровати. Иронично, что той, кто чуть не умерла, была Розмари, но пережившей смертельную опасность казалась Шарлотта.

— Сестра, я в порядке... — Розмари сощурила маленькие глазки, утопающие в мягких щеках, и попыталась ободряюще улыбнуться, глядя на Шарлотту. Та осторожно взяла сестру за пухлую и белую, похожую на булку руку. Тонкие и изящные пальцы Шарлотты были холодными, как ледышки.

«Если так продолжится, старшая сестра покинет этот мир раньше меня», — подумала Розмари мрачно.

— Розмари... не оставляй меня одну, — произнесла Шарлотта дрожащим голосом. Для нее Розмари была смыслом жизни. Единственной причиной, по которой она унаследовала титул баронессы и продолжала защищать их род.

— Я не умру, Шарлотта... но я должна похудеть. Если так пойдет и дальше, однажды я просто задохнусь во сне.

— Но как же...

— Я похудею, и мы проживем долгую и счастливую жизнь.

Шарлотта всегда говорила, что ей нравится пухленькая Розмари. Но даже она понимала — ее младшая сестра больна. Слуги уже озадаченно косились на них обеих.

Розмари грустила от осознания, что больше не сможет жить в сладостном союзе с сахаром, но ради спасения собственной жизни она должна была с ним расстаться.

«Я, Розмари, объявляю сахару войну! Я выберусь из сахарного болота ради счастливого будущего рядом с сестрой! Разве я не обязана дожить хотя бы до ее свадьбы?»

На самом деле Розмари собиралась жить гораздо дольше, и ради этого будущего она начала худеть. Началась настоящая битва — долгая ли, короткая ли, но неизменно одинокая.

Розмари решила прибегнуть к знаниям о диетах из прошлой жизни. Во-первых, все белое — зло. Значит, от этого нужно держаться подальше. Сахар, соль, мука — прощайте. И если соль и муку Розмари могла вычеркнуть без особых сожалений, то вот отказаться от сахара... Для человека, который ежедневно поглощал килограммы сладкого, это было сродни пытке.

Конечно же, стоило ей отказаться от сахара, как руки задрожали, перед глазами поплыл туман, а в сознании воцарилось звенящее чувство пустоты. Пресный, безвкусный и лишенный соли суп, впрочем, тоже нельзя было